
Казахский автономизм в 1918 году: конкуренция проектов и динамика альянсов

Дина Аманжолова

Kazakh autonomism in 1918: competition of projects and dynamics of alliances

Dina Amanzholova

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870013445-0

В Российской империи переход от традиционного общества к современному происходил с разной скоростью, имел региональную и этносоциальную специфику. Нациестроительство, как оно сегодня понимается, не стояло в повестке дня царского и Временного правительств. Но складывание в регионах достаточно значимых образованных и политически активных слоёв актуализировало в условиях распада государства федералистские настроения¹. При этом в 1917 г. общероссийский административно-территориальный формат явился основой для выработки региональных этнополитических проектов. Они оставались в границах пространства бывшей империи, которое было исторически и географически устойчивым, воспринималось в перспективе надёжным, привычным и обжитым (при условии его демократизации). Эта пространственная целостность сказалась и на взаимодействии региональных лидеров и структур².

Активный рост межкультурных контактов казахской Степи в начале XX в. подстёгивал осмысление образованной частью общества сути «казахскости». Уже в 1913 г. в названии общенациональной газеты появилось самоопределение «казах», а выработка политического проекта, начавшись с интереса к общероссийской и даже международной культурно-языковой и религиозной солидарности, пошла в направлении локальной этноцентричности. Казахские демократы, по сравнению с другими среднеазиатскими национал-активистами наиболее интегрированные в общероссийскую политику, уже получили организационный и социально-культурный опыт в партиях эсеров, кадетов, социал-демократов, а также крупных общественных структурах типа Земгора.

Углубление общенационального кризиса стимулировало их самостоятельность, а лидер движения А.Н. Букейханов быстро осознал бесперспективность сохранения верности программе и практике Партии народной свободы, членом ЦК которой стал в условиях распада страны. Его решение в июле 1917 г. создать национальную партию «Алаш» оказалось единодушно поддержано соратниками. Не успев организовать её как полноценный инструмент борьбы за власть, они тогда же высказались за «областную территориально-национальную

© 2021 г. Д.А. Аманжолова

¹ В 1905—1907 гг. послереволюционное устройство вне рамок Российской империи видели лишь радикальные польские националисты и часть революционеров (Исторический курс «Новая имперская история Северной Евразии». Гл. 10. XX век: империя в эпоху массового общества. Ч. 1. Крах режима русской национальной империи // *Ab Imperio*. 2016. № 1. С. 362—363).

² Их федералистские настроения в условиях революции имели реактивный и импровизационный характер (Красовицкая Т.Ю. Этнические элиты о формах федеративного устройства России (1917—1929) // *Мир Большого Алтая*. 2017. № 3. С. 142).

автономии» в составе будущей Российской демократической федерации³, что также отвечало настроениям на окраинах. Несмотря на отсутствие программы партии, уже летом в Степном крае действовали казахские комитеты, ставшие и партийными структурами, и органами местного самоуправления. В качестве последних они вступали в коалиции с другими местными органами власти — как созданными инициативно весной, так и затем Временным правительством.

Автономизм оказался наивысшей точкой эволюции и самым радикальным требованием казахских демократов начала XX в. Лидеры «Алаш» считали федерацию оптимальной формой взаимоотношений центра и национально-территориальных образований, совмещения выгод государственного единства и централизованной власти со сбалансированной самостоятельностью окраин. Выбор автономистской модели опирался на учёт состояния общества: достаточно глубокая интегрированность края в российскую политико-экономическую систему, исторически сложившаяся взаимосвязь Казахстана с другими регионами страны, высокая вероятность потери даже минимальной самостоятельности в случае провозглашения независимости. При этом проект предполагал участие в общегосударственном переустройстве России.

Казахским автономистам пришлось оперативно реагировать на быстро развернувшуюся конкуренцию ведущих военно-политических сил, которые опирались на собственные предпочтения и представления о будущем страны. Динамика развития автономизма и его конкретные модели различались в зависимости от характера и скорости политических процессов в регионах, уровня организованности и влияния этнополитических активистов, силы и прочности связей между основными участниками борьбы за власть. Воплощение этих моделей пришлось на экстремальный 1918 г. Едва ли не безграничная вера казахских лидеров в автономию через Всероссийское Учредительное собрание, при помощи которого они собирались получить государственность и власть как единственно легитимные представители своего народа, подкреплялась традициями этносоциальной иерархии. Уже в сентябре 1919 г., когда большевики приступили к созданию советской автономии, член Киргизского военно-революционного комитета (КирВРК) Лукашев (Вадим) писал в ЦК РКП(б): «И если сейчас киргизская масса кричит об автономии, абсолютно не зная, что такое автономия, и не зная, что она с собою несёт, но ожидая чего-то лучшего, лучше того, что было и что есть сейчас, она всё же как один человек восклицает “автономия—автономия” [Я убеждён, что кричат об “автономии” только “Тунганчины”, а не масса... — *прим. авт.*], то это ещё не значит, что эта масса за Советскую власть, а тем более за коммунизм... Пока эту “автономистскую” авантюру подсказала ей кучка ханских бандитов-богачей, которую мы “вынуждены” временно гладить по головке, всякими способами привлекая их к себе “на помощь”, как элемент, имеющий “громадное” [никакого “громадного” влияния их нет! И получают они его — “через нас”! — *прим. авт.*] влияние на тёмный народ, влияние, основанное на жалких остатках прежнего деспотического величия»⁴.

Переустройство государственности стало результатом ожесточённого противоборства конкурирующих проектов: общероссийских (большевистского и

³ Дело (Семипалатинск). 1917. № 61. 18 августа; Алаш-Орда. Сборник документов. Кзыл-Орда, 1929. С. 34—35, 38, 39—40.

⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 86, д. 129, л. 112. До 1925 г. казахов называли киргизами (киргиз-кайсаками, казак-киргизами).

антисоветского) и локального, совместившего политические и конфессионально-культурные запросы. Временное правительство не решилось на предоставление автономии национальным окраинам, а антисоветские силы не смогли предложить реалистичную альтернативу лозунгам противника. В итоге борьба развернулась между региональной элитой, объединившей все сколько-нибудь значимые политические силы с разной идейной «начинкой» и общей культурно-религиозной идентичностью, и левыми радикалами во главе с большевиками.

Заявление лидеров «Алаш» о политическом объединении областей традиционного расселения казахов не могло воплотиться без «внешней» поддержки военными, финансовыми, материально-техническими и иными ресурсами. Большевицкий вариант казахской автономии предусматривал признание советской власти с её классовым принципом. Ему противостояли сторонники «единой и неделимой России» («белые») и федералисты (Комитет членов Учредительного собрания — Комуч). Сильной стороной выступали регионалы — сибирские областники, в ноябре 1918 г., впрочем, принуждённые согласиться на мезальянс с консолидирующим противником советов — правительством А.В. Колчака. Но сам центр силы, способный воссоединить территорию распавшейся страны, «передвигался» в военно-политическом и географическом смыслах.

Это предопределило ситуативную тактику казахских этноцентристов. В отличие от прочих автономистов региона⁵, история предоставила им гораздо больше пространства для манёвра. Приходилось вступать в сложные и непредсказуемые отношения с разными политическими партнёрами, каждый из которых имел своё видение их роли в борьбе за власть. В итоге одновременно приходилось вести переговоры и торг с разными, подчас противостоявшими друг другу сторонами. Остановлюсь на наиболее важных эпизодах.

Тесная связь казахских интеллектуалов с сибирскими областниками, обусловленная объективными причинами, политическим прагматизмом и динамикой внутренней эволюции обеих сил, установилась задолго до революции и сохранялась в 1917—1919 гг.⁶ Автономисты не спешили «отрываться» от си-

⁵ О туркестанском автономизме см.: *Азамходжаев С.* История Туркестанской автономии (Туркистон Мухторияти). Ташкент, 2006; История общественно-культурного реформаторства на Кавказе и в Центральной Азии (XIX — начало XX века). Самарканд, 2012; *Гафаров Н.У.* Джадидизм в Средней Азии в конце XIX — начале XX в. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Душанбе, 2013; Туркестанская автономия (Туркистон Мухторияти). Создание и разгром. Сборник статей (URL: <https://greylib.align.ru/503/turkestanskaya-avtonomiya-sozdanie-i-razgrom-sbornik-statej.html>); *Абдуллаев Р.М.* Национальные политические организации Туркестана в 1917—1918 гг. Ташкент, 2016; и др.

⁶ Подробнее см.: *Шиловский М.В.* Хроника областнического движения в Сибири (1852—1919) // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895—1917 гг. Вып. 1. Томск, 1994. С. 6—16; *Аманжолова Д.А.* Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш. М., 1994; *Ремнёв А.В.* Западные истоки сибирского областничества // Русская эмиграция до 1917 года — лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб., 1997. С. 142—156; *Шиловский М.В.* Областничество и регионализм: эволюция взглядов сибирского общества на пути инкорпорации Сибири в общероссийское пространство // Административно-государственное и правовое развитие Сибири XVII—XX веков. Иркутск, 2003 (URL: <http://kraeved.lib.tomsk.ru/page/12/>); *Нам И.В.* Национальный вопрос в программных установках сибирских областников, законодательской и политической практике Сибирской областной думы (1917 — январь 1918 г.) // Вестник Томского государственного университета. Сер. История. Краеведение. Этнология. Археология. 2004. № 281. С. 47—57; *Нам И.В.* Национальный фактор в деятельности Сибирской областной думы в период «демократической» контрреволюции (июнь—ноябрь 1918 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2005. № 288. С. 151—158; *Шишкин В.И.* Первая сессия Сибирской областной

бирских коллег, предпочитая участвовать в их съездах и входить в состав создававшихся ими структур, вплоть до конца 1917 г. не решались объявить об автономии и размежеваться. Областники и алашевцы допускали сочетание территориального и национального подходов к федерализации России и Сибири с включением казахских земель в состав последней.

Это показывают решения Сибирского областного съезда в Томске (8—16 октября 1917 г.), в котором участвовали и 10 казахов. Делегаты разделились на автономистов и федералистов (последние не признавали единство региона и выступали за его деление на несколько областей). Букейханов заявил: «Самоопределение мы хотим получить вместе с Сибирью». Он выступал за территориальную консолидацию казахских земель на основе их хозяйственной специфики и свободную межэтническую интеграцию. Съезд высказался за образование «экстерриториальных персонально-автономных союзов в составе Сибирской автономии, куда должна была войти территория на восток от Урала с включением всего Киргизского края при свободном волеизъявлении населяющего эти пределы населения». Сибирь имела «право передать часть принадлежащих ей законодательных полномочий отдельным областям и национальностям, занимающим отдельную территорию, если последние этого потребуют, превращаясь, таким образом, в федерацию, т.е. союз областей и национальностей».

Букейханов проявлял осторожность, предпочитая постепенное движение от единства к выделению. Выступая в ноябре 1917 г. в Семипалатинске, он подчеркнул: в России проживают народы, говорящие на 105 языках, посему не может быть одного закона, удовлетворяющего всех: «Такой закон может издать для себя каждый отдельный народ только сам». В Учредительном собрании казахи должны отстаивать идею автономии, основанной на единстве либо крови, либо территории, либо хозяйства. Глава «Алаш» считал предпочтительной «общность территории», а потому «казахам выгодно вхождение в Сибирскую автономию». Он не отказывался от самоопределения, но не считал возможным спешить из-за недостатка управленческих кадров. А когда «достаточно подготовимся к управлению, тогда и будем требовать от Сибири автономию, задержки не будет, на Сибирском съезде это включено в программу». В Сибирской Думе казахи, отмечал он, вместе с другими народами (якутами, бурятами) займут достойное место⁷.

Проект программы «Алаш», опубликованный 21 ноября, указывал: Россия должна быть демократической федеративной республикой с президентской формой правления и всеобщим избирательным правом, законодательная власть — принадлежать Думе. «Автономия киргиз... входит в Российскую федерацию наравне с другими народностями... существует равноправие, неприкосновенность личности и свобода слова, печати и союзов». «В первое время Казахская автономия может составить единое образование вместе с другими заинтересованными

думы (январь 1918 года) // История белой Сибири. Сборник научных статей. Кемерово, 2011. С. 54—61; и др.

⁷ 16 октября делегаты определили «Областное устройство Сибири»: при единстве Российской республики её части нуждались в «автономии национальной или территориальной». А. Ермаков вошёл в состав Сибирской областной думы правительства Западной Сибири, представляя интересы малых народов. См.: Сибирская жизнь (Томск). 1917. 8, 11, 17, 21 октября; Путь народа (Томск). 1917. 17 октября; Движение Алаш. Сборник документов и материалов. Апрель 1901 г. — декабрь 1917 г. / Под ред. Т.К. Журтабая. Т. 1. Алматы, 2004. С. 456—457; Аманжолова Д.А. На изломе. Алаш в этнополитической истории Казахстана. Алматы, 2009. С. 180—181; Шиловский М.В. Областничество и регионализм...

в этом народами, а если нет, то с самого начала может стать самостоятельной единицей». На II всеказахском съезде (декабрь 1917 г., Оренбург) Букейханов «горячо доказывал, что при современных условиях социальной жизни и состоянии культуры и просвещения среди киргиз обособиться им политически и взять самостоятельный курс чисто автономного управления было бы нецелесообразно и неблагоприятно». Газета «Казах» вскоре пояснила, что является основой государственности: «1) наличие отдельной территории, 2) наличие на ней населения, 3) власть, управляющая страной»⁸. Позже отмечалось, что главной причиной отказа сразу провозгласить автономию стала неопределённость ситуации в крае и положения в соседних регионах.

Итак, на этом этапе областники, предпочитая национально-культурную автономию, всё же шли навстречу казахским лидерам. Два соседствующих центра автономизма нашли, казалось, компромисс и не конкурировали, рассчитывая на демократическое переустройство всей России и предполагая разные варианты будущих взаимоотношений. Однако всё более чёткие организационно-политические контуры приобретали собственные центры, претендовавшие на региональное лидерство и новый характер отношений с общероссийской властью⁹.

Между тем переход власти к большевикам в столицах и последовавшая за этим волна советизации означали новый вызов для всех регионалов. На II всеказахском съезде Букейханову и его товарищам удалось преодолеть сопротивление сторонников союза с Туркестаном, уступив им в требовании немедленного объявления автономии. Показательно, что лидер «Алаш» разумно предлагал провозгласить её лишь после выяснения отношения некоренного населения и создания народной милиции. В итоге эти важные идеи проигнорировали, хотя решение съезда декларировало предоставление «другим народам» 10 из 25 мест в правительстве (которое на деле оказалось моноэтничным). Вскоре выяснилось, что казахский актив Сыр-Дарьинской области готов соединиться с автономией при условии её союза с Туркестаном и размещения столицы в г. Туркестан. Съезд решил создать Алашскую автономию со столицей в Семипалатинске. Она включала «сплошную территорию с господствующим населением казак-киргизским единого происхождения, единой культуры, истории и единого языка», предлагала культурную и национальную автономию «безземельным народам» и их пропорциональное представительство во всех учреждениях¹⁰.

⁸ Казахстанская правда. 1989. 19 июля; Алаш-Орда... С. 73—76; Движение Алаш... С. 439, 504; Оренбургский казачий вестник. 1917. 23 декабря; Казах. 1918. № 257 (цит. по: *Бейсембиев К.Б.* Идеино-политические течения в Казахстане в конце XIX — начале XX вв. Алма-Ата, 1961. С. 363).

⁹ В.И. Шишкин отмечает, что оба правительства возникли «снизу» — по инициативе местной общественности и почти одновременно. Однако он неправ, считая, что Алаш-Орда «сошла с исторической арены» в начале ноября 1918 г. после прихода к власти А.В. Колчака (*Шишкин В.И.* Взаимоотношения Алаш-Орды и Временного Сибирского правительства // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. Т. 96. 2011. № 4. С. 111, 110). На деле с правительством Колчака Алаш-Орда вела переговоры ещё и в 1919 г., а прекратила фактическое существование в начале 1920 г.

¹⁰ Алаш-Орда... С. 50—53, 56; *Аманжолова Д.А.* Движение Алаш в 1917 году. М., 1992. С. 32. Напомню определение Сталина, выступавшего за областную автономию: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» (*Сталин И.В.* Марксизм и национальный вопрос // *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 2. М., 1946. С. 296).

В свою очередь большевики попытались установить союз с активной национально организованной силой огромного региона. Как известно, огромную роль в утверждении советской власти на местах сыграли безусловная привлекательность права народов на самоопределение, их равенства и суверенности, отмены национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений. Особое значение имели Декларация прав народов России и воззвание СНК РСФСР «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока»¹¹. III Всероссийский съезд советов 10—18 (23—31) января 1918 г. принял Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа¹², вошедшую затем в Конституцию. Все народы России получили возможность «принять самостоятельное решение на своём собственном полномочном советском съезде: желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве и в остальных федеральных советских учреждениях»¹³. Основой федерации объявлялась власть советов, избранных из рабочих и крестьян.

Федерализм по-советски становился основным проектом для региона. В марте И.В. Сталин, М.М. Вахитов и ряд других деятелей Наркомата по делам национальностей РСФСР направили на места телеграмму с изложением разработанного Вахитовым Положения о Татаро-Башкирской советской республике¹⁴. Революционным организациям азербайджанцев, татар, грузин, армян, казахов, сартов, текинцев и др. предлагалось «сообщить свои конкретные планы федерации» в связи с подготовкой в наркомате аналогичного положения для них. На следующий день «Правда» опубликовала сам документ и обращение Сталина по этому поводу. Он оценил создание республики как образец федеративных взаимоотношений России с народами бывшей империи¹⁵. 24 и 27 марта Наркомнац направил телеграммы в Ташкентский совдеп, ревкомы Оренбурга и Башкирии. При этом большевистское руководство (так же, как и националы) не смогло отказаться от дореволюционного географического и административного «образа» региона и деления его населения на «европейцев» и мусульман¹⁶.

28 марта 1918 г. в казахский комитет Семипалатинска поступила телеграмма Наркомнаца: «Просим немедленно командировать представителей для организации Комиссариата по киргизским делам для работ по осуществлению

¹¹ Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 39—41; Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. № 6. 1917. 19 декабря.

¹² Декреты Советской власти. Т. I. С. 321—323.

¹³ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. № 15. 1918. 13 января. Ст. 215.

¹⁴ Подробнее см.: *Юлдашбаев Б.Х.* Национальный вопрос в Башкирии накануне и в период Октябрьской революции. Уфа, 1984; *Кульшарипов М.М.* З. Валидов и образование Башкирской Автономной Советской Республики (1917—1920 гг.). Уфа, 1992; *Нуреев И.С.* Роль общественных движений и политических партий национальных районов Поволжья в национально-государственном строительстве в 1917—1920 гг. (на материалах Башкортостана и Татарстана). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1993; *Исхаков С.М.* Русская революция 1917 года и тюрки Центральной Азии // Туркестанская автономия (Туркистон Мухторияти)...

¹⁵ РГАСПИ, ф. 558, оп. 1, д. 134, л. 1—2; Правда. 1918. 23 марта.

¹⁶ Самоопределение народов в полиэтничном Туркестане оказалось отложено, на время юридически оформилось культурно-конфессиональное единство «мусульманской нации», чуть позднее послужившее одной из основ известного проекта Т. Рыскулова (*Аранов А.* Крах проекта Тюркской советской республики (1919—1920) (URL: <http://memoryoffuture.blogspot.ru/2010/06/1919-1920.html>); Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости. Ташкент, 2000. С. 151—160; *Магомедов Р.М.* Наркомнац Российской Федерации и национально-государственное строительство в советском Туркестане. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003; и др.).

киргизского штата. Захватите соответствующие материалы»¹⁷. Очевидно, образование «федеративных штатов» (республик) предполагалось проводить по схеме Татаро-Башкирии и на основе реализации принципа «самоопределения трудящихся». Алаш-Орда направила в ведомство депутатов Учредительного собрания Ж. и Х. Досмухамедовых с документами II всеказахского съезда. Материалы переговоров не обнаружены. По имеющимся данным можно предположить, что шли они достаточно успешно. Сталин считал возможным признать решение съезда при условии признания власти СНК в центре и советов на местах, автономисты получали право организовать комиссию по созыву учредительного съезда. Алаш-Орда постановила «признать центральную власть Федеративной Советской Республики» и выдвинула ряд предложений: границы будущей автономии (в рамках современной территории Казахстана), полномочия её властей до созыва учредительного съезда, взаимоотношения с местными советами. Автономисты отстаивали право на созыв съезда в тесном сотрудничестве с местным советом, сохранение за собой с этой целью высшей законодательной и административной власти. На местах они предлагали передать власть советам, «организованным на демократических началах с соблюдением пропорционального представительства от национальностей». Там, где советы ещё не появились, предлагалось сохранить казахские комитеты, земское и городское самоуправление, а также национальные суды и народную милицию.

Подчинённость национального классовому обусловила прагматизм большевиков в отношении самоопределения народов. Несмотря на противодействие немногочисленной левой партии «Уш-Жуз», компромисс состоялся. Об успешном ходе переговоров сообщила телеграмма в уездные казахские комитеты от 16 апреля: «Совнарком признает нашу автономию при условии признания советской власти». Алаш-ординцы обязались не поддерживать антисоветские выступления казачества¹⁸.

Однако падение советов в крупных центрах будущей автономии к лету 1918 г. затормозило альянс с большевиками почти на год. 24 июня Алаш-Орда приняла постановление о признании недействительными всех декретов советской власти на её территории. Вводились в действие законы и декларации Временного правительства о свободе совести, слова, печати, собраний, союзов и неприкосновенности личности. Казахское правительство взяло на себя право разрешения железнодорожного строительства и сбора всех государственных налогов с населения автономии, распорядившись немедленно приступить к сбору кибиточной подати. Появился Военный совет с функциями военного министерства и правом создавать местные военные советы и обязанный «призывать

¹⁷ ГА РФ, ф. 130, оп. 2, д. 898, л. 32 об., 33.

¹⁸ 17 апреля Ж. Досмухамедов на заседании исполкома Саратовского совдепа сообщил детали: «Вся киргизская область должна перестроиться по советскому образцу. Должно быть восемь Советов. В Семипалатинске должно быть центральное Советское управление области. Пока... есть земство. Алаш-Орда должна быть пополнена другими представителями. Вообще у нас трудно организовать Советы, их не из кого составить. Рабочих почти нет, нет почти и солдат... У нас есть только земские учреждения, которые в центре решено сохранить. Совет народных комиссаров организует Комиссариат по киргизским делам... Я заявляю от своего имени, что единственная власть, которая отнеслась к нам сочувственно, — это Советская власть. Мы добивались долго выделиться в отдельную автономную единицу, и никто, кроме Советской власти, навстречу к нам не пошёл. Мы такого отношения к себе не забудем» (Саратовский Совет рабочих депутатов (1917—1918 гг.). Сборник документов. М.; Л., 1931. С. 454, 455—456). По некоторым сведениям, по просьбе Досмухамедовых для подготовки съезда Ленин распорядился выделить им 12 млн руб. (Қазақәдебиеті. 1990. 24 тамыз).

джигитов для борьбы с большевиками». Последнее, впрочем, оказалось затруднительным и потребовало поддержки более сильных противников «красных».

Для управления автономией восстанавливались земские учреждения, введенные законом от 17 июня 1917 г. Решением от 25 июня повсеместно создавались областные и уездные советы, состав которых (3—5 человек) временно назначался Алаш-Ордой, а затем избирался на первом очередном земском собрании гласными-казахами и утверждался правительством. Уточнялось: если и неказахское население изъявит желание остаться в автономии, то советы избираются всем собранием. Облсоветы отвечали за призыв в алашские части, сбор налогов, подготовку материалов к созыву Алашского Учредительного собрания и по аграрному вопросу, вопросы культурно-экономического развития, охрану «государственного порядка и общественного спокойствия» и наблюдение за точным исполнением правил временного землепользования¹⁹. При разработке принципов управления пытались совместить полиэтнические по составу органы местного самоуправления, созданные после февраля, и национальные структуры. Предполагалось тесное сотрудничество советов с земствами. Ставилась задача обеспечить невмешательство в компетенцию земских и городских управ и дум (хотя в районах, подвластных Алаш-Орде, земства зачастую возглавляли её сторонники). «Алаш» рассчитывала на союз с Сибирской и Башкирской автономиями и на помощь оружием от оренбургского атамана А.И. Дутова.

При всей привлекательности замысла эта система затрудняла решение повседневных административных и хозяйственных задач, так как создавала своеобразное двоевластие, дополнявшееся энергичным вмешательством эмиссаров «центральных» властей — Сибирского Временного правительства и Комуча²⁰. Оперативное выполнение решений Алаш-Орды тормозили также отсутствие транспортной инфраструктуры, трудности почтовой связи, сложные и быстро меняющиеся военные обстоятельства. Из-за незавершенности строительства местных органов Алаш и их реальной слабости, подчинённости разных районов края противоборствующим силам оказалось практически невозможно проведение в жизнь принятого тогда же решения о наборе народной милиции²¹.

24 июня появились правила о временном землепользовании в автономии. Окончательное решение вопроса откладывалось до Всероссийского Учредительного собрания, на котором «Алаш» намеревалась представить проект аграрной реформы. Частная собственность на землю отменялась. Разрешение на эксплуатацию земных недр, «рыбных богатств воды и даровой силы воды» давалось только Алаш-Орде. Споры между казахами улаживал третейский суд, между казахским и некоренным населением — земские органы. В правилах удовлетворялись все важнейшие дореволюционные требования по аграрному и переселенческому вопросам, хотя реализация решения вряд ли была возможна.

С конца 1917 г. начался новый этап отношений Алашской и Сибирской автономий на уровне правительств и их местных структур по поводу взаимного признания, приоритета распоряжений каждого органа власти, их равноправия или соподчинённости, полномочий и предметов ведения местных структур обоих правительств, организации воинских подразделений и их подчинённо-

¹⁹ В отличие от уездных советов с аналогичными функциями, областные имели право в важных случаях заключать «временные блоки с правительствами соседних автономий для защиты интересов Алаша» при последующем их утверждении правительством (Алаш-Орда... С. 91—92).

²⁰ Там же. С. 78—80.

²¹ Там же. С. 92—93.

сти. На каждом из направлений взаимодействие складывалось достаточно напряжённо из-за динамики военно-политической ситуации, влияния и давления других сил (Комуч, Башкирская и Туркестанская автономии, казачьи правительства — прежде всего Оренбургское), внутренних проблем. К тому же у обеих сил имелись собственные приоритеты.

Единству действий автономистов мешали территориальные разломы Казахстана (запад, северо-восток с центром и юг). К тому же на западе до сентября 1918 г. существовал самопровозглашённый Уильский оляят, глава которого Ж. Досмухамедов даже объявил себя ханом. Алашординцы не могли похвастаться серьёзными организационно-политическими ресурсами, военного значения также не имели. Поэтому они закономерно рассчитывали на союз с более сильным соседом, ориентированным на федерацию. Однако ещё в январе 1918 г. попыток перейти от декларации к делу не предпринималось. Сыр-Дарьинский казахский съезд высказался за оставление в составе Туркестанской автономии. Тогда же Семипалатинский обком «Алаш», земство и совет крестьянских депутатов признали Временное Сибирское правительство до провозглашения казахской автономии, хотя установление советской власти изменило ситуацию²².

В.И. Шишкин считает, что областники и алашординцы проявили взаимный интерес летом 1918 г. для решения собственных задач, особенно потому что в январе большевики разогнали Сибирскую областную думу и «отказались принять условия Алаш-Орды»²³. Это не вполне верно: алашординцы добились компромисса на переговорах с Москвой ещё весной, а их сотрудничество прервал антисоветский переворот на юге Западной Сибири и на севере Казахстана, обусловивший переход к союзу с новой властью в регионе.

Временное Сибирское правительство во главе с П.В. Вологодским поначалу сформировалось как эсеровское и включало Министерство туземных дел во главе с М.Б. Шатиловым. Но 30 июня его состав изменился, оно стало более правым²⁴, что повлияло на взаимоотношения с казахской автономией. К тому же командующий армией и глава военного ведомства А.Н. Гришин-Алмазов довольно быстро склонился в сторону военной диктатуры. Сибиряки позиционировали себя в качестве центра, рассчитывая подчинить Алаш. В итоге отношения с Ордой, стремившейся отстаивать принципы федерализма и равноправия с другими автономиями, ухудшались.

В июле появились «Основные положения о границах культурной автономии национальностей Сибири», передававшие право окончательного решения вопроса о территориально-политической автономии Всероссийскому Учредительному собранию. На этой основе правительство отказалось признавать

²² Там же. С. 50—53, 56; Казах. 1918. 16 сентября. Центр документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области, ф. 44, оп. 1, д. 8, л. 4, 8; д. 3, л. 2, 7, 11; ф. 133, оп. 1, д. 1, л. 110; ф. 37, оп. 1, д. 1, л. 72.

²³ Шишкин В.И. Взаимоотношения Алаш-Орды и Временного Сибирского правительства. С. 111.

²⁴ См.: Журавлёв В.В. Рождение Временного Сибирского Правительства: из истории политической борьбы в лагере контрреволюции // Гражданская война на востоке России: проблемы истории. Бахрушинские чтения 2001 г. Межвузовский сборник научных трудов. Новосибирск, 2001. С. 26—47; Журавлёв В.В. Роль Временной Сибирской областной думы в процессе образования Временного Всероссийского правительства // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI — начале XXI в. Материалы VII всероссийской научной конференции (Новосибирск, 6—8 июня 2011 г.). Новосибирск, 2011. С. 128—131; Шишкин В.И. Командующий сибирской армией А.Н. Гришин-Алмазов: штрихи к портрету // Контрреволюция на востоке России в период Гражданской войны (1918—1919 гг.). Сборник научных статей. Новосибирск, 2009. С. 126—195.

«избранные некоторыми национальностями Комитеты (например, Алаш-Орда киргиз-кайсаков) органами национально-территориальной государственности». Оно выразило готовность предоставить народам Сибири «национально-культурную автономию, гарантирующую свободное развитие каждой отдельной национальности». Соответственно национальные органы власти признавались лишь как представительные по вопросам культурной автономии и местного самоуправления²⁵.

Алаш-Орда добивалась поддержки автономии. 10 июля её делегат при Западно-Сибирском комиссариате А. Ермаков передал в правительство записку, призывавшую к единению для защиты завоеваний Февральской революции, «давшей начало к политическому возрождению народов и окраин России». Орда обещала всемерную поддержку Сибирскому правительству и предложила проект соглашения, по которому Омск признавал её в составе областей, определённом II всеказахским съездом, при установлении границ с учётом мнения населения приграничных областей. Признание Орды центральным органом, временно исполняющим функции государственной власти, подразумевало исключительное подчинение ей всех национальных общественных организаций и учреждений без права вмешательства в сферу её компетенции. До объявления автономии государственные и смешанные учреждения управления и самоуправления подчинялись Сибирскому правительству при обязательном участии в нём представителей «Алаш»; избранные в 1917 г. органы самоуправления также сохранялись. В проекте обосновывалась необходимость обеспечения Алаш-Орде займа от правительства Сибири, руководившего всеми финансовыми учреждениями на казахской территории, и предлагалось созвать в ближайшее время конгресс депутатов автономных народов и окраин «с целью создания федеральной власти». Наиболее перспективной считалась федерация Сибири, Алаш, Башкирии и Туркестана при равном участии региональных сил в устройстве единого государства как федерации автономных областей²⁶.

Записка поступила в Совет министров Сибири 26 июля. В ней содержалась краткая характеристика решений всеказахских съездов и причин принятия решения об автономии, обосновывалась необходимость взаимной поддержки и тесного союза «в час смертельной опасности для родины и свободы». К тому времени затягивание переговоров привело к потере Уральской области и опасности распада автономии, что вынудило Алаш-Орду «решиться на крайние меры, отказаться от Союза с Сибирью, объявить автономию Алаш и спасти единение казак-киргизского народа, пожертвовав выгодами союза с Сибирью». Признание автономии дало бы ей возможность «оттянуть Туркестан от немецкой ориентации, сохранить его в пределах Российской Федерации» (так демонстрировалась приверженность общероссийским интересам). Букейханов стремился организационно-политически укрепить единство автономии и подтолкнуть сибиряков к равноправному союзу. На решение Омска предлагался проект соглашения о взаимном признании. Назначение на ответственные посты в автономии должно было согласовываться с Ордой, которая также имела право специального обложения, сбора кибиточной подати в свою пользу, организации национальных судов и местных советов, ведающих национальными делами, не входящими в компетенцию земств и городских дум²⁷.

²⁵ ГА РФ, ф. 193, оп. 1, д. 8, л. 1—1 об.

²⁶ Там же, л. 26—26 об.; Государственный архив Томской области, ф. Р-72, оп. 1, д. 39, л. 84.

²⁷ Алаш-Орда... С. 107—108.

Записка обсуждалась в комиссии под председательством министра народного просвещения В.В. Сапожникова 29, 30 июля и 2, 3 августа²⁸. Пункт 1 о взаимном признании с обсуждения сняли. Предложения о порядке управления и деятельности органов Алаш-Орды, их правах сохранили с небольшой редакцией. Вопрос о выделении займа Букейханову предлагалось адресовать непосредственно в это ведомство. Идею конгресса депутатов автономий поддержали, но без включения в проект. Проблемы создания армии Алаш передавались для совместной проработки с военным ведомством. Решение земельного вопроса откладывалось до Всероссийского Учредительного собрания.

При особом мнении остался представитель Министерства земледелия и колонизации А.М. Ярмош. Он указал на неопределённость «природы политического устройства киргизского народа и сущности государственно-правовых отношений его к российской государственности и автономной Сибири». Сохранение таковой может вызвать взаимное обострение отношений. Необходимо установить хотя бы временные законодательные нормы вместо утративших силу законов о положении края в Российской империи²⁹.

Проект так и не обрёл юридической силы. Отсутствие чёткой правовой базы отношений между автономиями обусловило продолжение и обострение конфликтов. Сыграли свою роль общая неустойчивость военно-политической обстановки, острое соперничество в борьбе за власть в Сибири между Временным Сибирским правительством и Комучем при наличии других областных правительств, также стремившихся упрочить влияние, амбиции правящих кругов и недоверие к национальным движениям, реальная слабость положения Алаш-Орды. На результаты работы комиссии повлияло и заключение консультанта правительства К.Г. Дишлера. Он считал, что на подчинённой правительству территории признавать политическую автономию может лишь Сибирское учредительное собрание, а вне её пределов — Всероссийское. В случае образования автономного государства с определёнными органами и реальной силой Сибирское правительство при необходимости могло входить с ним во временные отношения, но не имело юридического права санкционировать таковое за пределами своей территории и тем более содействовать его созданию. Проект соглашения Дишлер счёл неудовлетворительным: снятие с обсуждения вопроса об автономии фактически означало её признание. Недопустимость признания Алаш подчеркивала и официальная газета «Сибирская речь»³⁰.

Сибирское правительство не могло не учитывать исторические границы расселения казахов, но совместить их с потребностями эффективного политического управления и экономического районирования при активности автономистов не сумело. Оно действовало в отношении Алаш-Орды, как бы примеряя на себя функции центра и предлагая ей лишь практически неосуществимую в тех условиях культурную автономию. Казахские автономисты с их претензией

²⁸ На заседании присутствовали представитель военного ведомства генерал В.Л. Попов, товарищ министра внутренних дел П.Д. Михайлов, А.М. Ярмош, руководители Алаш-Орды А. Букейханов, А. Ермаков и Х. Тохтамышев. Шишкин почему-то утверждает, что проект Алаш-Орды не обсуждался, но затем всё же описывает дискуссии конца июля — начала августа (*Шишкин В.И.* Взаимоотношения Алаш-Орды и Временного Сибирского правительства. С. 116, 117—119). Более точное изложение событий приводит другой автор: *Селивёрстов С.В.* Алаш и Сибирь в 1918—1919 гг.: позиция А. Букейханова и тенденция региональных отношений // Мир Евразии. 2008. № 1. С. 22—27.

²⁹ Алаш-Орда... С. 108—111.

³⁰ ГА РФ, ф. 193, оп. 1, д. 8, л. 33—34; Сибирская речь. 1918. № 57. 5 августа.

на политическое самоопределение, уже поддержанной большевиками в начале 1918 г., согласиться на это заведомо не могли. Сибирский регионалистский проект вошёл в противоречие с национальными проектами якутов, бурят и казахов.

Между тем ещё 3 июня в Самаре начал действовать Комуч. Он выступал как законодательный орган, исполнительная власть принадлежала Совету управляющих ведомствами. Все посты в нём заняли эсеры, за исключением ведомства труда во главе с меньшевиком И.М. Майским. 15 июля к Комучу примкнули атаман Дутов, а также Уральское областное правительство. В середине сентября он насчитывал уже около 100 членов, в том числе 11 членов «Алаш»³¹.

Приверженность идее демократической федеративной республики стала основой для тесного союза Комуча и Алаш-Орды. Другим важным обстоятельством сближения явилось категорическое непризнание разгона Учредительного собрания, на решения которого и эсеры, и казахи возлагали основные надежды. Комуч направил в Алаш и другие национальные правительства своих уполномоченных. Инородческий отдел агитационного культурно-просветительского отдела Комуча должен был регулировать отношения между национальностями, привлекать националов в ряды Народной армии, содействовать укреплению власти «в нерусской части населения», рассматривать ходатайства от них, собирать материалы с мест и предоставлять их в Комитет для законодательной работы. Учитывались рекомендации алашординцев о назначении местных уполномоченных³².

25 сентября Декларация Комуча по поводу образования Алаш-Орды заявила: «Для воссоздания единой, сильной, свободной России и укрепления в ней федеративно-демократического строя необходимо участие в предстоящей созидательной работе всех населяющих её народностей», а потому «осуществление отдельными территориями и национальностями своих автономных прав является лучшим залогом успеха предстоящей героической работы по воссозданию единой великой России». До окончательного решения вопроса Всероссийским Учредительным собранием Комуч предлагал оставить за собой военные и иностранные дела, пути сообщения, почту и телеграф, а также «мероприятия общегосударственного характера по вопросам снабжения и продовольствия». Постановления, законы и распоряжения Алаш не должны были противоречить постановлениям Комуча, при ней назначался уполномоченный комитета с правом приостановления её решений. Временное положение об управлении в области разрабатывалось Алаш-Ордой и утверждалось Комучем. Вооружённые силы Алаш также создавались по согласованию с ней. Спорные территориальные вопросы предлагалось решать совместно с органами власти прилегающих областей «и в соответствии с волеизъявлением местного населения, выраженного путём всенародного голосования или через местное самоуправление». Выразилась уверенность, что эти условия соответствуют стремлению автономии и идее демократической федерации, а казахский народ «со свойственным ему мужеством и сплочённостью примет самое деятельное участие в решительной

³¹ Алибеков и Досмухамедовы значились как вступившие от казахского исполкома, остальные — от партии Алаш (*Святоцкий Н.К.* К истории Всероссийского Учредительного собрания. М., 1921. С. 5; Оренбургский вестник Комитета уполномоченных членов Учредительного собрания. 1918. 4 сентября).

³² Оренбургский казачий вестник. 1918. 18 июля.

борьбе с узурпаторской советской властью»³³. Между тем дни самого Комуча были сочтены.

В преддверии Государственного совещания³⁴ в июле и августе в Челябинске состоялись два заседания представителей Комуча и Сибирского правительства. Решением от 26 августа признавались полномочия областных и национальных правительств³⁵, тогда как в инструкции делегатам Временного Сибирского правительства строго предписывалось: «Не признавать правительство Алаш-Орды тюрко-татар, а только культурную автономию»³⁶. Сибирское правительство (как, впрочем, и Комуч) рассчитывало также подчинить себе Туркестан.

Делегации Алаш-Орды и Туркестана возглавляли А. Букейханов и М. Чокаев, присутствовали члены Алаш Г. и И. Алибековы, С. Дошанов, В. Таначев, Ж. и Х. Досмухамедовы и др. Они присоединились к большинству — сторонникам «народовластия» и противникам диктатуры. 12 сентября Букейханов подтвердил приверженность общероссийской демократической программе: «Мы, инородцы старой самодержавной России, примкнули к демократической части России, республиканской России, мы ждали, чаяли, что надежды на народовластие будут осуществлены Всероссийским Учредительным собранием... но наши мечты оказались разбитыми, как и мечты всех демократов России... Организацию областных правительств некоторые склонны приписывать сепаратизму... Те организации, от имени которых я выступаю³⁷, не являются представителями сепаратизма, а они мыслят, что они составляют часть единой России, что автономные области в концерте мировых держав не могут играть никакой роли, если бы они захотели создать какое-нибудь маленькое сепаратное государство. Мы едины с демократической федеративной республикой Россией, мы мыслим себя только частью единой России»³⁸. Одновременно разрешился внутренний конфликт, вызванный амбициями Досмухамедова и его попыткой создать Уильский оляят. По инициативе Букейханова полномочия единого центра автономии подтвердило специальное решение алашординцев. Оляят стал составной частью автономии, что укрепило статус Алаш как легитимного представителя областей, названных II всеказахским съездом³⁹.

Основные программные положения в национальной сфере нашли отражение в «Акте об образовании всероссийской верховной власти» от 23 сентября. Его подписали и алашординцы. Предусматривалось «воссоединение отторгнутых, отпавших и разрозненных областей России», а также предоставление отдельным областям территориальной и национальной автономии, признание за

³³ Оренбургский вестник Комитета уполномоченных... 1 октября; Алаш-Орда... С. 123—124.

³⁴ Подробнее см.: *Гармиза В.В.* Уфимское совещание // История СССР. 1965. № 6. С. 3—25; *Гармиза В.В.* Крушение эсеровских правительств. М., 1970. С. 184—197; *Думова Н.Г.* Кадетская контрреволюция и её разгром. М., 1982. С. 168—176; *Иоффе Г.З.* Колчаковская авантюра и её крах. М., 1983. С. 80—96; и др.

³⁵ Среди них назывались как Алаш-Орда, так и «национальное управление правительства Алаш-Орда». Вероятно, имелись в виду представители Алаш-Орды во главе с Букейхановым и Уильского оляята во главе с Досмухамедовым.

³⁶ Вестник Комитета членов Учредительного собрания. 1918. № 39, 41. 24, 26 августа; Уфимское совещание и Временное Сибирское правительство // Красный архив. 1933. Т. 6/61. С. 65.

³⁷ Алаш-Орда и Туркестанская автономия под руководством казахов, потерпевшая к тому времени крах.

³⁸ Россия и Центральная Азия. Конец XIX — начало XX века. Сборник документов и материалов / Сост. Д.А. Аманжолова, Т.Т. Далаева, Г.С. Султангалиева. М., 2017. С. 227—228.

³⁹ О взаимоотношениях Комуча и Алаш-Орды см.: *Аманжолова Д.А.* Казахский автономизм и Россия... С. 84—104.

экстерриториальными этносами права на культурно-национальное самоопределение на основе законов, принятых «полновластным Учредительным Собранием»⁴⁰. Однако заключённый в Уфе компромисс изначально был неустойчив. У Директории отсутствовали прочный аппарат, необходимые финансы, официальные органы. Создаваемые ею министерства часто возглавляли представители продолжавшего работу Сибирского правительства, что вскоре сказалось на отношениях с Алаш. Работали и другие правительства, получившие в Уфе признание «права на широкую автономию, обусловленную как географическими, экономическими, так и этническими признаками», а также на культурно-национальное самоопределение. Букейханов допускал союз с областниками и башкирскими автономистами, хотя взаимодействие со всеми региональными правительствами сопровождалось многочисленными конфликтами по поводу должностей, прав, полномочий и сфер контроля⁴¹.

Впрочем, вдохновлённые решением совещания в Уфе и достижением кажущегося согласия вокруг идеи Учредительного собрания, алашординцы надеялись, наконец, обрести реальный юридический статус и освободиться от «ига» сибиряков. В начале октября автономные области получили право сохранить существующий порядок и органы управления в вопросах внутренних дел, снабжения и продовольствия, торговли и промышленности, земледелия и народного просвещения. До отмены правительством или самими автономиями действовали решения областных правительств. Кроме того, появились главноуполномоченные Директории, которые наблюдали, чтобы распоряжения автономий не превышали их компетенцию и не противоречили законам и распоряжениям Всероссийского правительства, а также надзирали за деятельностью их местных органов⁴².

Но вскоре Директория упразднила все областные правительства, в том числе Алаш-Орду, хотя признала необходимость учёта бытовых и хозяйственных особенностей «казак-киргизских народностей» в организации управления и создания для этих целей в будущем представительного органа. Учреждалась должность Главноуполномоченного по управлению Алашем при временном сохранении органов управления Орды, подчинённых центральному ведомству. Создавалась «особая комиссия по выработке положения об Алашском представительном органе и выборах в него». В состав этих органов вошли Букейханов и другие члены «Алаш»⁴³. Таким образом, деятельность всех национальных правительств регламентировалась «центром». Свержение Директории и создание Временного Всероссийского правительства при Верховном правителе А.В. Колчаке в ноябре вновь изменило ситуацию. Алаш-Орда, как и другие региональные структуры, от тактики лавирования между разными центрами силы перешла к затяжным и частично успешным переговорам с объединённым антисоветским центром о статусе и полномочиях, создании и поддержке воинских подразделений. С конца года в военной ситуации нарастал перелом в пользу Красной армии. Алаш-Орда не могла вести самостоятельную политику и играть роль «третьей силы» в борьбе «красных» и «белых». Союз с любой из

⁴⁰ История «белой» Сибири. Тезисы научной конференции. Кемерово, 1995. С. 166—167.

⁴¹ Подробнее см.: Алаш-Орда... С. 108—112; *Аманжолова Д.А.* Казахский автономизм и Россия... С. 49—83.

⁴² Рабочее утро (Оренбург). 1918. № 107. 10 октября.

⁴³ Вестник Временного Всероссийского правительства. 1918. № 10. 16 ноября.

противоборствующих сторон удалял её от решения программных задач и в конечном итоге привёл к поражению.

Альянсы и конфликты автономистских структур отражали потребность в административной централизации и унификации крупных регионов, их экономической и коммуникационной интеграции. Но столь же отчётливо отражались противоречия в разделении сфер ответственности, влиявшие на устойчивость территориальной и политической организации страны, а также многовариантность функционирования автономий и их активистов. В 1917—1918 гг. на основе разных по географии, возможностям и дееспособности структур зарождались федералистские проекты, которые пытались утвердиться как общероссийские и региональные. В условиях революции и войны гармонизации этого комплекса взаимосвязей достичь было практически невозможно.

В частности, нарушенные с конца 1916 г. соотношение политических сил и их взаимоотношения спровоцировали в Туркестане и соседних областях борьбу разных государственных и протогосударственных структур, обладавших реальной или фиктивной властью — большевиков, интервентов, «внутренней» контрреволюции, националистов⁴⁴. Утверждение советской власти превратило большевиков в единственную силу, способную свести до минимума военное сопротивление и стабилизировать ситуацию в регионе: организовать систему управления, наладить хозяйственную жизнь и продовольственное снабжение населения, снизить накал межнациональных противоречий.

Федералистские предпочтения участников политического процесса в условиях революции и Гражданской войны были достаточно близки с точки зрения приоритетности новой формы государственного устройства и сохранения целостности бывшего имперского пространства. Однако расходились взгляды на принципы взаимодействия автономий как субъектов будущей федерации и даже на границы субъектов⁴⁵.

СНК и Наркомнац предлагали автономистам признать классовый характер организации власти и оставляли за собой эксклюзивное право на определение их территориальных и политических границ, формы и состава органов управления. Прочие вопросы оставались вне поля зрения до конца войны, поскольку главным стимулом являлось признание права на самоопределение и национальное равенство. Их противники также не имели проработанных планов федеративного строительства новой России. Сибирские областники оказались погружены в региональные проблемы и ограничивались поддержкой культурной автономии для «националов». Этнополитическая элита региона рассматривала федерализм как воплощение автономии для «своих» народов. Лидер движения «Алаш» Букейханов, поддерживая создание за Уралом и в Поволжье полиэт-

⁴⁴ Как считает С.М. Исхаков, в Туркестане «не было и следов сколь-либо осознанной “классовой борьбы”»; реформаторы оказались стиснуты между крайностями исламистского ожесточения и этнического недоверия» (*Исхаков С.М. Русская революция 1917 года и тюрки Центральной Азии*).

⁴⁵ Так, если азербайджанский «Мусават» чётко разграничил сферы управления между автономией и федеральным центром, то Алаш лишь заявила, что федерация — союз равноправных государств и автономия полностью распоряжается землей и её недрами на своей территории (Программа Тюркской демократической партии федералистов «Мусават», принятая на её I съезде 26 октября 1917 г. // *Известия Академии наук Азербайджанской ССР. Серия истории, философии и права*. 1990. № 2. С. 23—29; *Алаш-Орда...* С. 73—76). Детали своеобразного толкования туркестанскими большевиками сущности автономии, её прав и разделения управленческих функций с центром см.: *Халид А. Туркестан в 1917—1922 годах: борьба за власть на окраине России // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза*. М., 2005. С. 189—226.

ничных автономий с участием живших там казахов, на деле с конца 1917 г. возглавил строительство этноцентристского проекта. От политических сил требовались готовность и умение действовать ситуативно и гибко, выходить на результативный диалог с национальными элитами. Большевики показали лучшую в сравнении с противниками способность побеждать в условиях, когда право наций на самоопределение стало одной из доминант мирового развития, а в России тесно переплелись социальные, этнические и локально-территориальные проблемы⁴⁶.

Неудачи и даже безнадежность антисоветских автономистских амбиций казахских и среднеазиатских националов не спровоцировали сепаратистских настроений и не отменили стратегического ориентира на государственное единство с Россией⁴⁷. Симптоматично, что, как и в условиях распада Российской империи, в конце XX в. этнополитические элиты среднеазиатских государств не спешили отказываться от ставшего привычным советского проекта и его возможных модификаций. В обеих ситуациях сыграла роль вера в могущество и выживаемость огромного имперского организма. В то же время освоенный государственный ландшафт с его понятными и наработанными социально-политическими связями, официальными и негласными привилегиями, компромиссами и зависимостями выглядел гораздо комфортнее и безопаснее, нежели непредсказуемая самостоятельность, в которой ответственность полностью переходила к новому центру власти в лице самой национальной элиты.

⁴⁶ Советский федерализм был частью ситуативной политики большевиков, не имевших конкретной программы создания федерации, и не предполагал договорного подхода (в особенности для автономий). На практике РСФСР и СССР оказались симбиозом федеративной формы и унитарного содержания с различными механизмами и возможностями модернизации этносов в едином поликультурном социуме. В.П. Булдаков и С.М. Исхаков отмечают: федерализм для большевиков стал благопристойным правовым ярлыком в борьбе против децентрализации страны (Булдаков В.П., Исхаков С.М. Динамика дезинтеграционных процессов // Российская революция 1917 года: власть, общество, культура. Т. 2. М., 2017. С. 333).

⁴⁷ На центрально-азиатские регионы России неправомерно распространять утверждение, что национальные окраины и движения после октября 1917 г. «поспешили дистанцироваться от рассыпающейся российской государственности, объявляя о независимости» (Gerasimov I. The Great Imperial Revolution // Ab Imperio. 2017. № 2. С. 43).